

УДК 004.9:81'42:930.2**О цифровом тексте как историко-филологической проблеме****Белов Алексей Михайлович**

Доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: indogermanica@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению феномена цифрового текста с точки зрения традиционной историко-филологической парадигмы. Сформулировано положение о том, что эпоха цифровых текстов, в которую живём мы, есть закономерное продолжение четырёх предшествующих эпох развития словесности, шедшего по общему принципу нивелирования грани между (материальным) памятником и (идеальным) текстом, в нём содержащегося. При этом утверждается, что рассмотрение цифрового текста как однозначного прогресса в истории словесности, литературы и культуры выглядит излишним упрощением. Появление цифровых текстов создало для общества не только много новых возможностей, но много новых проблем, а движение «вперёд» уравнивается и некоторым движением «назад», в сторону архаического синкретизма и средневековых наивных представлений о тексте и его авторстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Белов А.М. О цифровом тексте как историко-филологической проблеме // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 3А. С. 85-92.

Ключевые слова

Цифровой текст, гипертекст, письменность, книжность, литература, словесность, текстология.

Введение

Феномену цифровых текстов и гипертекста в современной культуре и теории языка посвящено безбрежное море научной литературы [Потапова 2002; Дедова 2008; Попов 2015, Шульгинов 2019]. Однако внимания к изучению электронного текста в рамках общечеловеческого культурного процесса, равно как и вопросов о применимости традиционных филологических методов к изучению таких текстов уделяется всё же не вполне достаточно. Нередко приходится видеть, что разговор о новых формах (*фактурах* по Ю.В. Рождественскому) текста сводится к т. н. вульгарно-прогрессистской парадигме, односторонне рассматривающее этот феномен как уникальный шаг вперёд в человеческом развитии и несомненное (и тоже уникальное) свидетельство в прогрессе словесности. Между тем, проблема требует более тщательного и всестороннего подхода. Данная краткая заметка не претендует на восполнение этого обширного пробела, однако имеет целью сформулировать некоторые ключевые идеи, развитие которых предполагается сделать в будущем. Некоторые из них подробнее рассматриваются в моей книге [Белов, 2024].

Основное содержание

Важным методологическим принципом изучения истории словесности можно считать то, что каждый новый этап истории словесности был обязан своим появлением тому обстоятельству, что ключевые достижения предыдущего периода настолько расширяли свой функционал, что начинали применяться не по своему первоначальному предназначению. Подобно тому, как Интернет создавался не для социальных сетей и цифровых развлечений (это был изначально военный проект), так и средства фиксации речи предполагали в различные исторические периоды существенно разные цели и задачи.

Периодов таких можно выделить пять. Это 1) письменность, 2) книжность, 3) литература, 4) массовая коммуникация и то, что мы условно назовём 5) периодом цифрового текста [Белов, 1996].

Период *письменности* характеризуется самым изобретением письма, изначально рассчитанного на фиксацию документа (юридического, финансового и т. п.), но никак не художественного текста [Дьяконов 1980; Емельянов 2001]. Расширение сферы применения письма к текстам, имеющим специальное предназначение (жреческим книгам, анналам, логографическим и натурфилософским трактатам и т. д.) дало эпоху *книжности*, превратившуюся в литературу тогда, когда в сферу письма были вовлечены все тексты, имеющие общественную ценность, а общение (в том числе и художественный диалог автора и читателя) стали наиболее желательны в письменной форме. Это положение вещей в Европе сложилось к эллинистическим временам. При этом массовая коммуникация в Античности хотя и была до известной степени возможна, но ограничивалась возможностями рукописного тиражирования текстов и (возможно) литографией.

Средневековье существенно развернуло Европу от литературы к книжности. Новый период стал заново начинаться благодаря достижениям *Иоганна Гутенберга* (ок. 1399-1468), который вопреки расхожему мнению изобрёл не только печатный станок как таковой, но и всю технологию, начиная от сплава и изготовления зеркальных подвижных литер и заканчивая особым типом масляной типографской краски. Книгопечатание не только вернуло словесность в эпоху литературы, снова сделав доступными многочисленные литературные тексты и общение

через них авторов со своими читателями, но и принципиально изменило уровень образования общества благодаря возможности массового тиражирования относительно дешёвых книг, в том числе грамматик, риторик, гуманистических сочинений. Вклад гуманистов в создание новоевропейских наций оказался огромен настолько, что до сих пор недостаточно оценён. Период массовой коммуникации (в таком традиционном виде) продолжался до конца XX в., причём значение массовой продукции (в т.ч. газет, журналов, радио и телевизионных СМИ) с каждым годом всё более вытесняло значение собственно литературы.

С точки зрения общей филологии здесь интересно следующее наблюдение. Общим процессом в истории всех этих изменений от древности и до наших дней окажется всё большее нивелирование феномена *памятника словесности* по отношению к его *тексту*. Если текст мы понимаем идеально-лингвистическом смысле как последовательность организованных языковых знаков, то памятником для ранних эпох окажется некий безусловно материальный носитель этих знаков — глиняные таблички, текст на папирусе, камне, бумаге и т. д. Это противопоставление существенно для древнейших эпох (когда любой письменный текст был уникален), гораздо менее значимо для эпохи литературы и тем более книгопечатания (когда большинство текстов существовали во множестве экземпляров).

Интересно, что сама книга за время, прошедшее от Гутенберга до конца XX века, как не странно, изменилась довольно мало. Многочисленные технические достижения, касавшиеся печати и массовой продукции, позволили сильно увеличить тиражи и скорость их подготовки, развили технологии цветных иллюстраций, сделали привычным явлением газеты и журналы, создав феномен массовой печатной коммуникации, однако всё это было уже скорее количественным продолжением изобретения Гутенберга, нежели его качественным преобразованием. Более того, даже само исполнение книг XX в. далеко не всегда превосходило то, что делали первопечатники.

Качественное же преобразование письменной коммуникации случилось совсем недавно, уже на нашей памяти, и связано оно с широким распространением цифровых технологий вообще и Интернета в частности. Масштаб революции, принесённый нам нашей эпохой, ещё не совсем возможно оценить до конца, однако уже сейчас — с массовым появлением не только электронных книг, электронной почты, соцсетей, но и электронных Госуслуг, электронной школы, сетевых аутистов и ловцов покемонов, — видно, что этот масштаб велик. При этом важно отметить не столько количественную сторону проблемы, сколько качественную.

Даже если не брать феномен Интернета и дистанционного общения, можно отметить (как минимум), следующие наиболее важные обстоятельства.

Цифровые технологии *заметно* облегчают создание первого экземпляра цифрового текста (или книги) и *невероятным образом* облегчают его *массовую продукцию*. Фактически никакого производства и не требуется: цифровой текст может быть с лёгкостью скопирован сколько угодно раз. Это фактически полностью нивелирует различие между памятником и текстом и открывает возможность чрезвычайного удешевления массовой коммуникации, одновременно создавая такое количество копий, при котором текст (по крайней мере, теоретически) не может быть в принципе утрачен. Одновременно с этим снижается роль печатных текстов и библиотек. Обратной стороной такого процесса будет увековечение не только заслуживающих того памятников, но и вообще любой глупости (что, собственно, нередко приходится видеть повсеместно).

Предшествование электронной версии текста печатной, несомненно, окажет влияние и на будущие текстологические исследования. Если изучение истории текста авторов Нового

времени (особ. XVIII-XX вв.) предполагает большую значимость их черновиков и набросков, то в случае с электронными первоисточниками доступ к черновикам писателя, скорее всего, не будет возможен. Поэтому исследования истории текста «электронной» эпохи отчасти будут напоминать текстологию античных и средневековых памятников: в них, как мы узнаем далее, главным предметом истории текста оказываются изменения, произошедшие с ним уже *после* деятельности его автора.

Широко известно, что цифровые технологии позволяют создавать т. н. *мультимедийный текст*: т. е. не просто поликодовый — но такой, который в принципе не может существовать на бумаге. Если пределом техники книгопечатания были изошрённые шрифты, ноты, формулы и роскошные иллюстрации на мелованной бумаге, то мультимедийный текст может содержать в себе и непечатные элементы: анимацию, видеофрагменты, музыку и т. п. Уже сейчас существуют интернет-авторы, пытающиеся творить в этой новой фактуре речи. Посмотрим, насколько успешно будет себя чувствовать традиционный текст в ближайшем будущем. При этом важно отметить, что чем изошрённее такой текст, тем труднее его будет возможно классифицировать как литературный. В этом смысле при явном прогрессе технологий мы едва ли можем говорить о каком-либо прогрессе в литературе благодаря таким поликодовым текстам. Совершенно напротив: если традиционные искусства есть всегда *отказ* от тех или иных средств выражения, то текст новейшей эпохи есть, скорее, возвращение к некоему древнему синкретизму в духе А.Н. Веселовского, что вполне признаётся многими исследователями.

Цифровой текст, даже в самом обычном смысле, может быть нелинейным в смысле своей протяжённости. Так получается всем известный *гипертекст*, читать который можно в различной последовательности частей благодаря гиперссылкам, открывающим переходы как между частями одного текста, так и между разными документами. Хотя многими авторами нелинейность гипертекста позиционируется как некая грандиозная инновация новой эпохи, важно понимать, что принцип нелинейной организации сам по себе не нов. Например, гипертексту во многом подобны некоторые речевые жанры традиционной устной культуры, такие как *мифы*, образующие своим сплетением всем известную причудливую сеть сюжетов. Вообще, спонтанная устная речь устроена гораздо менее линейна (в смысле своей логической организации), чем об этом часто думают теоретики. Это хорошо видно по многочисленным корпусам устной речи, уже давно ставшими предметом исследования в науке о дискурсе (У. Чейф, А. А. Кибрик, В. И. Подлеская и др.). Отличие же гипертекста, во-первых, в том, что это нелинейная *письменная* речь, а не устная; во-вторых, что переходы от сюжета к сюжету осуществляются не отправителем текста, а его *получателем*; и в-третьих, тем, что подобная нелинейная стратегия, вообще свойственная диалогу, здесь реализуется (как бы) в монологе. В этом смысле гипертекст — это прямая противоположность папирусного свитка, напротив, не позволявшего читателю открывать книгу с произвольного места.

Наконец — и это продолжение всего предыдущего — цифровые технологии мультимедийного свойства способствовали как раз развитию многих новых форм речи — и спонтанной письменной (см. п. 6) [Белов: Глава 2], и разных форм устной, — причём, похоже, чем далее, тем эта сторона нашего общения должна будет более развиваться, если условия останутся неизменными. В качестве наглядного примера можно привести известный информационно-аналитический портал «PolitRussia», начавший как ещё одно публицистическое издание и постепенно сменивший (к неудовольствию многих почитателей) формат коммуникации от письменного текста к видеоролику [PolitRussia, www...]. Можно полагать, что

и сам гипертекст является определённым «откатом» от письменного текста к ряду стратегий устного общения.

Интернет-технологии фактически создали *спонтанную письменную речь* благодаря различным соцсетям и «чатам». Иными словами, возникла возможность общения в реальном времени не устными, а письменными текстами. Важно указать, что это не просто новое удобство или неудобство — но принципиально иная культура общения, незнакомая предыдущим поколениям. Очень может быть, что именно это обстоятельство серьёзно затрудняет общение посредством сообщений людям старшего поколения. Здесь, похоже, сказывается привычка традиционного отношения к письменному тексту как к некой ответственности, а потому его создание мыслится требующим серьёзных душевных ресурсов. Молодежь лишена этих «комплексов»: она запросто пишет, как говорит, а говорить, не думая, хочется и не только молодёжи.

Социальные сети дают возможность диалогического общения на разные темы с несколькими (порой, даже многими) людьми одновременно, что редко бывает в естественной природе [Сушко, Прончев, 2021]. При этом вопросы и ответы, сохраняясь в письменной форме, очень серьёзно изменяют сам обмен сообщениями, позволяя, например, получить ответ на такой вопрос, который был задан в прошлом году и о котором забыл сам его задавший. Параллельно с этим крупные соцсети позволяют доставить сообщение одного говорящего до огромного числа адресатов, в том числе и неизвестных отправителю; к слову, эта особенность соцсетей уже давно используется заинтересованными группами лиц не столько во благо, сколько во зло.

Впервые в истории такое значение получило *анонимное общение*. Если раньше анонимное письмо — это особый и чаще неприятный случай, то сейчас анонимный текст кого угодно о чём угодно — это совершенно привычная норма. Последствия этого факта интересны не только филологам, но и психологам, и психиатрам, поскольку, помимо совсем иной ответственности за слова и, следовательно, цели коммуникации, анонимность ещё способствует и появлению «ложной личности» отправителя сообщения.

Смежной с этой оказывается и *проблема автора, авторства и плагиата*, которая зачастую решается пользователем Интернета не так, как читателем классических времён, но так, как это бывало в Раннем Средневековье, когда чужие тексты могли переписываться серьёзными людьми слово в слово. Только теперь это стало ещё проще благодаря операции «вырезать и вставить».

Большая скорость коммуникации обеспечивает невероятно *лёгкий доступ к информации* любым человеком в любом месте в любое время. Очевидно в этом обстоятельстве можно найти и очень много плюсов (например, легко узнать новое), и очень много минусов (например, многие как бы «слепнут» без Интернета или «теряют память»). Отсюда происходят и разного рода пороки и зависимости. С другой стороны, такое изобилие информации создаёт невероятное количество информационного шума и вполне оформленных и законченных текстов, информационная ценность которых отсутствует. Вообще, нулевая значимость написанного и опубликованного текста — это новое слово в словесности за все прошедшие эпохи. При этом Искусственный интеллект, на который возлагаются надежды многими авторами [Любимов и др., 2019], в настоящий момент скорее способствует усугублению этой проблемы, чем её решению.

Происходит и невероятное *изобилие недостоверной и заведомо ложной информации*, в том числе выданной под вполне благовидной формой (например, в виде якобы авторитетной сетевой энциклопедии). Это обстоятельство требует от обывателя, ищущего правды, существенного

развития критического чутья; при этом не совсем понятно, будет ли растущее, как снежный ком, море дезинформации уравновешено интеллектуальным прогрессом пользователей, или, напротив, оно погребёт под собой само желание людей разбираться в источниках. Последнее — это, к слову, ровно то, на что многие авторы подобных текстов как раз и рассчитывают. В этом мы снова можем усмотреть скорее возврат словесности в средневековое состояние, нежели какой-то грандиозный прогресс.

Наконец, хотелось бы назвать ещё и то, что набор печатного текста на клавиатуре (даже у детей) и желание двигать мышью вытесняет умение и желание писать от руки (и тем более красиво). И вообще, компьютерные технологии предполагают несколько иные (в сравнении с традиционными) когнитивные и моторные навыки.

Заключение

Цифровые технологии коренным образом изменили природу текста и коммуникации, создав новые формы письменной и устной речи. Гипертекст, хотя и воспринимается как инновация, на самом деле наследует принципы нелинейности, свойственные устной традиции, но при этом радикально трансформирует процесс чтения, передавая контроль над последовательностью восприятия получателю. Социальные сети и мессенджеры породили спонтанную письменную речь, стирая границы между устным и письменным общением, что формирует принципиально иную культуру коммуникации.

Однако эти изменения несут не только преимущества, но и серьёзные вызовы: анонимность снижает ответственность за слова, избыток информации порождает шум и дезинформацию, а легкость копирования ставит под вопрос традиционные представления об авторстве. Кроме того, цифровые технологии влияют на когнитивные навыки, вытесняя рукописное письмо и формируя новые паттерны восприятия.

Таким образом, современные коммуникативные практики представляют собой сложное переплетение прогресса и регресса, возврата к архаичным формам общения и создания принципиально новых. Будущее цифровой словесности будет зависеть от того, сможет ли общество адаптироваться к этим изменениям, сохранив критическое мышление и культуру осмысленного обмена информацией.

Библиография

1. Белов А.М. Основы филологии. Лекции о языке, текстах, логосах и филологах. М.: Русский мир, 2024. 512 с.
2. Дедова О.В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008. 284 с.
3. Дьяконов И.М. Вавилонская филология (III—I тыс. до н. э.) // История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А.В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1980. С. 17-36.
4. Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 368 с.
5. Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. Основные понятия искусственного интеллекта. М.: ООО «Сам полиграфист», 2019. 116 с.
6. Попов Е.А. Подходы к изучению гипертекста // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. 2015. № 1. С. 167-171.
7. Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика: Учебное пособие. М.: МГЛУ, 2002. 576 с.
8. Рождественский Ю.В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.
9. Сушко В.А., Прончев Г.Б. Сетевое поколение растёт или взросление в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 1. С. 173-187.
10. Шульгинов В.А. К вопросу о текстовой природе электронного гипертекста // Вестник ВГПУ. 2019. № 6 (139). С. 147-151.
11. PolitRussia [Электронный ресурс] // Русский Эксперт. <https://ruxpert.ru/PolitRussia>

On the Digital Text as a Historical-Philological Problem

Aleksei M. Belov

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of General and Comparative-Historical Linguistics,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: indogermanica@yandex.ru

Abstract

The article examines the phenomenon of the digital text from the perspective of traditional historical-philological scholarship. It posits that the current era of digital texts is a natural continuation of the four preceding epochs in the evolution of verbal art, all of which have followed a general principle of erasing the boundary between the (material) artifact and the (ideal) text contained within it. At the same time, the article argues that interpreting the digital text as an unequivocal advancement in the history of verbal culture, literature, and civilization is an oversimplification. The emergence of digital texts has brought society not only numerous new opportunities but also many new challenges, and the perceived "progress" is counterbalanced by a certain regression—a return to archaic syncretism and medieval notions of text and authorship.

For citation

Belov A.M. (2025) O tsifrovom tekste kak istoriko-filologicheskoy probleme [On the Digital Text as a Historical-Philological Problem]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (3A), pp. 85-92.

Keywords

Digital text, hypertext, writing, book culture, literature, verbal art, textual criticism.

References

1. Belov, A. M. (2024). Osnovy filologii. Lektsii o yazyke, tekstakh, logosakh i filologakh [Fundamentals of philology: Lectures on language, texts, logoi, and philologists]. Russkii mir.
2. Dedova, O. V. (2008). Teoriya giperteksta i gipertekstovye praktiki v Runete [Hypertext theory and hypertext practices in the Russian Internet]. MAKSS Press.
3. Dyakonov, I. M. (1980). Vavilonskaya filologiya (III-I tys. do n. e.) [Babylonian philology (3rd-1st millennium BCE)]. In A. V. Desnitskaya & S. D. Katsnelson (Eds.), *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Drevnii mir* [History of linguistic studies: Ancient world] (pp. 17-36). Nauka.
4. Emelyanov, V. V. (2001). Drevnii Shumer. Ocherki kultury [Ancient Sumer: Cultural essays]. Peterburgskoe Vostokovedenie.
5. Lyubimov, A. P., Ponomareva, D. V., & Barabashev, A. G. (2019). Osnovnye ponyatiya iskusstvennogo intellekta [Basic concepts of artificial intelligence]. Sam Poligrafist.
6. Popov, E. A. (2015). Podkhody k izucheniyu giperteksta [Approaches to studying hypertext]. Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Bulletin], 1, 167-171.
7. Potapova, R. K. (2002). Novye informatsionnye tekhnologii i lingvistika [New information technologies and linguistics]. MSLU.
8. Rozhdestvensky, Yu. V. (1996). Obshchaya filologiya [General philology]. Fond "Novoe tysyacheletie".
9. Sushko, V. A., & Pronchev, G. B. (2021). Setevoe pokolenie rastyot ili vzroslenie v sotsialnykh setyakh [The networked generation grows up or coming of age in social networks]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya

- i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 27(1), 173-187.
10. Shulginov, V. A. (2019). K voprosu o tekstovoi prirode elektronnoho giperteksta [On the textual nature of electronic hypertext]. Vestnik VGPU [Voronezh State Pedagogical University Bulletin], 6(139), 147-151.
11. PolitRussia. (n.d.). Russkii Expert. <https://ruxpert.ru/PolitRussia>